

Англоязычная лингвокультурная экспансия

Аннотация

В статье прослеживается ряд основополагающих факторов англоязычной лингвокультурной экспансии, включая языковую политику «модернизации» и «вестернизации»; рассматриваются ее инструменты, такие как агрессивное продвижение языка, экспорт языковой педагогики; говорится о ее следствиях — субтрактивном билингвизме и нарастающем циклическом воспроизводстве чужих языка и культуры; наконец, делаются наметки будущего лингвокультурологического исследования: обозначаются понятия нейтральности и культурно-идеологической заряженности языка и в этом ракурсе описываются два типа EFL-языка: базовый английский и английский для высшего уровня.

Ключевые слова: Грамши, гегемония, модернизация, вестернизация, англоцентризм, культурная экспансия, дискурсивная экспансия, языковая экспансия, лингвистический империализм, субтрактивный билингвизм, парадигма языковой экологии, эколлингвистика, культурно-идеологические коннотации, Basic English, язык для продвинутого уровня, эсперанто

Борьба национально-мировоззренческих и социально-политических систем, которой была отмечена большая часть XX века, имела важную культурно-идеологическую составляющую. Внутри нее особо выделяется языковая политика и использование языка как важнейшего инструмента выстраивания дискурса. Со второй половины XX века важной задачей социоллингвистики на Западе стало изучение языка и дискурса разных национальностей, этносов, классов и социальных слоев (У. Лабов, Дж. Фишман, Б. Бернштейн и др.), а также активное вмешательство в происходящие лингвокультурные и социоллингвистические процессы. Осуществлялось это как в отношении собственных стран, так и в отношении народов мира, для которых разрабатывалась специальная языковая (точнее, лингвосоциокультурная) политика. Главной ее целью являлась работа с национально-культурным и языковым материалом, с тем чтобы, в конечном счете, соединить его с либерально-буржуазными концептами при доминировании последних. Результатом такой политики стали деконструкция означаемых языка (понятийных, ценностных и символических структур сознания), противоречащих целям западной элиты, переформатирование дискурсов по выгодному для этой элиты лекалу и выстраивание единой (глобальной) языковой картины мира.

В конце 1970-х г. советский социоллингвист А.Д. Швейцер, описывая цели Запада в языковом и культурном планировании развивающихся стран, говорил, со ссылкой на американского социоллингвиста Джошуа Фишмана [Fishman 1974b], о двух желательных тенденциях - модернизации и «вестернизации» национальных культур и языков [Швейцер 1977: 156; Швейцер, Никольский 1978].

Модернизация во внеязыковой сфере означает «популяризацию национального единства, доступность социальной мобильности, быстрое распространение инноваций и символов статуса. Что касается языка, то здесь модернизация означает все более широкое распространение литературного стандарта национального языка, большую доступность всех его сфер, ускоренное распространение языковых инноваций и маркеров статуса».

«Вестернизация» — развитие по западной модели — во внеязыковой сфере означает усиление тенденции к распространению супралокальных ценностей и супралокальной идентификации. При этом материальная форма реализации этой тенденции заимствуется «из предсказуемых (читай: западных) источников». В области языка «вестернизация» предусматривает еще более далеко идущие изменения, чем модернизация: изменение письменности, перестройку традиционных форм вежливости и — в области лексики — развитие системы лексических единиц, взаимопереводимых по отношению к «престижным» (читай: западноевропейским) языкам. При этом, отмечает Швейцер, «вестернизация» умышленно преподносится как неизбежный и логический процесс развития и модернизации языков в развивающихся странах, исключая возможность их эволюции независимо от

западноевропейских языков [Швейцер 1977].

Дальнейшие исследования нюансировали деятельность по языковому планированию. В целом, по мнению западных социолингвистов, языковое планирование сводится к: 1) планированию статуса; 2) планированию корпуса (кодификации (стандартизации) языка, изменению в его лексике, грамматической структуре, алфавите и орфографии); 3) культивированию, распространению языка, планированию усвоения/ обучения языку, развитию форм и методик обучения (acquisition planning) и 4) планированию престижности (имиджа) языка (prestige planning) [Ferguson 1969, Fishman 1974, Cooper 1989, Hornberger 1994, Wiley 2003, Ager 2005, Deumert et al. 2009]. В данной монографии, однако, мы остановимся на основных аспектах языкового планирования, выделенных в ранней работе Дж. Фишмана.

Модернизация: символы и маркеры статуса

Вообще модернизация в аспекте языкознания определяется как расширение средств языка (лексических, морфолого-синтаксических, графических) с тем, чтобы последний мог выполнять дополнительные функции¹, обслуживая меняющиеся условия жизнедеятельности и коммуникации людей.

Важной частью модернизации называется статус, который упоминается в связи с широким и ускоренным распространением его символов и языковых маркеров. Остановимся на этом понятии подробнее. В отношении языкового планирования термин «статус» имеет два основных употребления.

С одной стороны, это закрепление функционирования языка за теми или иными сферами общения (высокими и повседневными), определяющее доминирующее/ подчиненное положение одного языка по отношению к другому (-им), которое, в свою очередь, зависит от ряда факторов: исконность языка или привнесенность извне; закрепление его письменной формы в качестве литературного стандарта, придание ему высокого юридического статуса, витальность, то есть высокий процент владения языком по отношению к общему числу населения [Kloss 1967, Stewart 1968]. Планирование языкового статуса является неотъемлемой частью языкового планирования в целом.

С другой стороны, статус при обсуждении языкового планирования часто употребляется и в социологическом понимании, как позиция (положение) человека в группе или обществе, а также сопутствующие ему социальные роли, права и обязанности, которые по традиции общество закрепляет за данной позицией². Следует отметить, что понятие статуса в западной социологии традиционно связывается не столько с социальным отличием (как, скажем в СССР: рабочие, крестьяне, интеллигенция), сколько с социальным неравенством³. Таким образом, постулируя необходимость создания и закрепления символов и маркеров статуса в странах-реципиентах культурно-языковой политики, в определенном смысле имеют в виду кодификацию неравенства, проведение при помощи символов и языковых знаков демаркационных линий между группами (классами, социальными слоями), владеющими статусным, престижным языком, располагающими символическими атрибутами статуса и его речевыми маркерами, и не владеющими им, не располагающими ими. Первые имеют больше прав и возможностей в конструируемом «модернизированном» мире.

Также очевидно, что Дж. Фишман предполагает закрепление в местных культурах и языках западных языковых форм и значений как носителей высокого, престижного статуса и соответственно, повышение статуса местной прозападной интеллигенции, выступающей проводниками «модернизации» традиционных культур. По Фишману, вербальный репертуар традиционного общества ограничен: а) рамками имеющегося в этом обществе опыта; б) доступом к тем или иным социальным ролям; в) структурной расчлененностью (compartmentalization) [Fishman 1974a: 87]. Кодификация с опорой на местный материал языковых значений, выражающих «прогрессивные» (читай - западные) политические,

¹ Towards a multilingual culture of education. Edited by Adame Ouane. Hamburg: Unesco Institute for Education, 2004. P. 17.

² Кравченко А.И. Социология: Учебник для вузов. —М.; Академический Проект, 2001. — 2-е изд., перераб. и доп. — 508 с. - С. 19.

³В этом смысле характерно определение Г. Мейна, введшего в научный оборот термин «социальный статус»: «Социальный статус - <...> место индивида в иерархически организованной общественной структуре, его объективная позиция в нем; неисчерпаемый человеческий ресурс, дающий человеку возможность влиять на общество и получать посредством него привилегированные позиции в системе власти и распределения материальных благ» (цит. по [Шкаратан 2002]).

правовые, культурно-идеологические понятия, помогла бы преодолеть косность местных элит, потеснив «устаревшие» языковые нормы и культурные символы и создав новые. Такой подход опирается на убежденность в том, что «через языки колониальных держав в колониях распространяются технические, политические и социальные изменения, и именно через эти языки местное население может вырваться из традиционного туземного общества» [ibid.: 85].

Поскольку планирование языкового статуса неотъемлемо от культурного планирования, Дж. Фишман артикулирует также подход западной социолингвистики к культурному материалу модернизируемых стран. Как отмечает ученый, модернизация предполагает выбор из наследия исконных культур героев, образов литературы, исторических событий, и даже эмоций, которые могли бы служить в качестве общенациональных скреп, которые сплотили бы разрозненные группы в статусе (новой) национальности. Также предполагается создание нового наименования для формируемой общности людей, конструирование ее «новой миссии», создание новых школ, заводов, жилищ и даже нового повседневного меню. При этом неважно, что языковые изменения делают поведение людей отличным от поведения их предков, важно, что они конструируют для них новую идентичность, создают новые элиты и новые массы, органично связанные между собой новыми узлами [ibid.: 91]. Разумным бывает такой подход, когда дискурс, основанный на более древнем и исконном национально-культурном материале используется для борьбы с современными модернизации национальными элитами. Модернизаторы стремятся «мобилизовать под своим контролем все население, а сам процесс мобилизации и разрыва связей со старыми властями и традициями можно проводить в союзе с соперниками властной элиты при использовании исконно-национальных символов или других символов, которые могли бы вызвать эмоциональный отклик», - пишет Фишман со ссылкой на [Deutsch 1966] и [Wriggings 1961]⁴. Сами действия по созданию новой самоидентификации и перераспределению власти, которые сопровождает языковое планирование, сплотят новые элиты и массы в их оппозиции старым, консервативным элитам и массам [Fishman 1974b: 94].

Теперь рассмотрим более специфическое понятие, упоминаемое Дж. Фишманом - «символ статуса». Теоретик символического интеракционизма Х. Блумер [Blumer 1969] постулировал, что реальность отражается субъектом как обусловленная социальными значениями интерпретация объектов и фактов. Следовательно, в коммуникации, наряду с объективными параметрами действительности, неизменно проявляется и социальный символизм объектов реальности, приписываемый им субъектами. Если говорить конкретно о символах статуса, то они понимаются двояко. В узком смысле, символами статуса выступают звания, награды, знаки отличия, атрибуты. В широком смысле символом статуса является любой предмет окружающего мира, интерпретируемый сквозь призму социальной иерархии; это любой денотат, сигнализирующий о месте его обладателя, члена, обитателя и др. на иерархической лестнице. Таким денотатом может быть и язык как таковой, и объекты и понятия разных социальных и профессиональных сфер (юридической, медицинской, компьютерной, научной, телекоммуникационной и др.). На Западе особо распространено понимание символа статуса как предмета престижного, или демонстративного, потребления («conspicuous consumption» в терминологии Т. Веблена): автомобиль, яхта, одежда «от кутюр», недвижимость высокого класса, обучение в привилегированных учебных заведениях, проживание в фешенебельных районах и т.п.

Следует отметить, что в определении культурно-языковой политики англоязычных стран по отношению к другим странам имеются в виду именно буржуазные символы статуса, т. е. символы, обозначающие достаток, личный успех, предприимчивость, престижное потребление и т.п. По мере того, как английский язык и англоязычный культурно-идеологический дискурс проникает в медийную, образовательную, культурную, повседневную сферы коммуникации, они навязываются обществам, где ранее основополагающими являлись традиционные символы, связанные с патриотизмом, общественным благом, военной доблестью и т. п. Например, канадский социолингвист К. Велтман отмечает тот факт, что франкофонное население Квебека отошло от религиозных предписаний католической церкви и восприняло ранее несвойственные ему консумеристские ценности и символы статуса, характерные для англофонной Северной Америки. Ученый связывает сей факт, в том числе, с языковой ситуацией в Квебеке, где английский язык длительное время доминировал в большинстве престижных общественных сфер [Veltman 1996: 212].

⁴Deutsch K.W. Nationalism and social communication. M.I.T. Press, 1966; Wriggings W.H. Impediments to unity in new nations: the case of Ceylon // American Political Science Review 55, 1961 P. 313-320.

Наконец, остановимся на понятии «языковых маркеров статуса» как составной части модернизации, то есть языковых форм, связываемых с теми или иными социальными группами и различающихся благодаря различию языков, на которых говорят члены социума, языкового употребления, принятого в их среде коммуникации, а также дискурсов, которые их окружают в повседневной жизни. Следует отметить, то языковые маркеры статуса часто связываются западными исследователями с различиями классов и социальных страт и квалифицируются как более и менее интеллектуальные и, соответственно, престижные⁵.

В условиях многоязычия бывших колоний наблюдается неравенство как в статусном маркировании местных языков и языка колонизатора, так и в статусном маркировании региональных вариантов языка и их стандартных вариантов. Приведем примеры первого типа неравенства. Так, в Кении социально маркированы все сорок с лишним существующих там языков: племенные языки связываются с традиционными ценностями и отсутствием модернизации и/или образования, они маркируют статус крестьян и сельских жителей; суахили является национальным языком и местным лингва-франка для социальных и коммерческих связей, он является социальным маркером городских жителей, мелких торговцев, рабочих; английский является официальным языком на всех уровнях образования, используется в государственном управлении и международной торговле, он социально маркирует государственных служащих, профессионалов и работников высоких должностей, является языком престижа и вертикальной мобильности [Kyoko и Muthwii 2003]. Использование английского языка — который вытесняет суахили в преподавании всех школьных предметов, начиная с третьего класса — «маркирует образованность и современность взглядов» кенийцев, а их компетенция в английском и стиль общения на нем говорит об уровне образования (начальная, средняя, высшая школа) [Abdulaziz 1991]. А.М. и А.А. Мазруи отмечают, что в Уганде развитые традиционные элиты первыми овладели английским языком, что укрепило

---

⁵В этом отношении характерна концепция Б. Бернстайна, который в своем исследовании 1968 г. постулировал наличие двух речевых кодов — развернутого как средства самовыражения и межличностного общения и ограниченного, ориентированного на поддержание социального контакта. Первый предполагает меньшую степень предсказуемости и наличие более сложных синтаксически построенных, тогда как второй — высокую степень предсказуемости и широкое использование элементарных синтаксических структур. Бернстайн увязывает развернутый код с языком среднего класса, а ограниченный код — с языком рабочего класса. Языковые коды/ маркеры социального статуса в западной интерпретации, таким образом, органически связаны с классовыми и социальными различиями в капиталистическом обществе, а соответствующие теории абсолютизируют эти различия. А.Д. Швейцер, который одним из первых посвятил ряд работ различию языка социальных групп на Западе, отмечает неправомерность вывода Бернстайна о невозможности самовыражения и межличностного общения с помощью «пролетарского» кода (взять великолепный сочный язык пролетарских писателей Дж. Брейна, А. Силлито, С. Чаплина, Дж. Стейнбека - Е.Ш.), а также его постулата о классовой обусловленности владения или невладения носителями языка тем или иным «коммуникативным кодом». Обнаруживаемые Бернстайном расхождения соотносятся с социальной структурой не непосредственно, а *через посредство речевой ситуации*, то есть через систему функционально распределенных форм существования языка, соотношенных с континуумом языковой коммуникации (определение Л.Б. Никольского). «В резко стратифицированном буржуазном обществе существуют значительные расхождения в самом наборе речевых ситуаций, доступных тем или иным социальным слоям. <...> Игнорирование опосредствующего звена при изучении связей между социальной структурой и языком явно искажает данные анализа. Так методологическая ошибка сказывается на результатах эмпирического исследования» [Швейцер, Никольский 1978]. Вместе с тем, Швейцер критикует и узость методологического подхода, ориентированного на теорию малых групп Дж. Гамперца. «Едва ли можно ставить знак равенства между влиянием так называемых «референтных групп» и мощным воздействием национальной нормы через такие каналы, как система образования и средства массовой коммуникации», — поясняет он. Согласно Швейцеру и Л.Б. Никольскому, наиболее верным является подход, учитывающий ситуационную вариативность коммуникации, поскольку именно набор речевых ситуаций, с которыми сталкивается человек в своей жизни, и определяет его речевую компетенцию. Понятие же речевой ситуации предполагает взгляд на язык как социально управляемый процесс. При этом в эгалитарном СССР признавалась та закономерность, что «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка», а цель языковой эволюции виделась в создании на основе литературного языка качественно нового языка, единого для всех социальных слоев, объединяемых в новом коллективе носителей [Поливанов 1968: 86-87].

ранее существовавшую социальную иерархию, в Кении же факт овладения английским языком городским и сельским населением способствовал созданию новой элиты в противоположность традиционной. В обоих случаях английский язык стал маркировать высшие классы [Mazrui & Mazrui 1996: 277]. Адама Уан констатирует в большинстве британских колоний сохранение экзоглоссии — использования языка бывшего колонизатора в качестве государственного и официального языка — и связывает это с влиянием на элиту эпохи колониального режима, когда существовали неравенство и языковое угнетение [Ouane 2004: 12].

Приведем примеры неравенства второго типа. П. Дасгупта пишет: «Индийский английский будет всегда останется выродившимся вариантом нормы в глазах ее законодателей, который они терпят лишь вынужденно. Отсюда стремление индийцев овладеть английским на уровне британского стандарта, благодаря чему они могли бы считаться людьми, достойными того, чтобы вписаться в общество «белых господ» метрополии (metropolitan Herrenvolk). С силами, которые поддерживают такое состояние дел, никто не борется» [Dasgupta 1993]. Ему вторит афроамериканский социолог и историк О. Паттерсон, осуждающий понимание культурной компетенции как следование англосаксонским стандартам и нормам. «Имеющие узкую функциональную культурную компетенцию обречены на низкооплачиваемые должности по сравнению с теми, чья культурная компетенция соответствует стандартам облаченных властью людей» (цит. по [Phillipson 2009]).

Таким образом, помимо просветительских целей, важной целью модернизации как составной части языковой политики англосаксонского языкового сообщества в бывших колониях и доминионах было такое установление статуса языков, которое сохраняло бы языковое (и классовое) неравенство и закрепляло бы лингвосоциокультурное (и экономическое) доминирование бывших колонизаторов. Умело играя на объективных противоречиях полиэтничных государств, имеющих множество конкурирующих языков, Британская империя сумела не только сохранить свой язык в бывших колониях в качестве государственного, но и усилить его позиции в постколониальный период. При этом английский язык, культивируемый в бывших колониях, отнюдь не явился средством устранения социального неравенства, но, напротив, лишь углубил его, сделав к тому же элиты не национальными, но компрадорскими по своей сути.

Что же касается языков национальных меньшинств западных стран, то они всегда имели крайне низкий статус, собственно, до недавнего времени они не учитывались совсем. Так, закон о языках коренных американцев (индейцев) был принят Конгрессом США лишь в 1990 году, а впоследствии сенат провел специальные слушания по вопросу оказания финансовой поддержки программам возрождения коренных языков. Новая Зеландия лишь в 1987 году приняла закон о языке маори, согласно которому он объявлялся официальным языком, в связи с чем была создана специальная комиссия по выработке мер, направленных на расширение его общественных функций и улучшение условий его использования в качестве средства общения. Аналогичные законы вышли в 1990-е годы в Египте, Мексике, Норвегии, Швеции, Австралии. Вместе с тем, Канада, например, заявила рабочей группе ООН по коренным народам, что ее правительство не будет оказывать необходимой финансовой помощи коренным группам населения в использовании и развитии родных языков для осуществления административной или иной официальной деятельности в общенациональном масштабе, но лишь в пределах их собственных общин. По мнению правительства Канады, более 50 коренных языков страны создают огромные финансовые и организационные сложности (Information Submitter by the Government of Canada, UN. Doc. E/CN. 4/Sub. 2/AC. 4/1990, at 3, 1990, цит. по [Илишев 2000: 70])⁶.

В настоящее время идеи прав человека и народа на обучение на родном языке, на общение на родном языке, как в частной, так и публичной сферах («лингвистические права»),

⁶Важно, что не только статус языков, но и сам статус коренного населения этих стран не позволял им считаться полноценными гражданами. Так, в Австралии вплоть до референдума 1967 г. о статусе аборигенов, дела коренных народов рассматривались в рамках законодательства о флоре и фауне, и они не имели права голоса. Аналогичным было положение и североамериканских индейцев. Так, до 1951 г. в Канаде дела коренных жителей Северной Америки рассматривались в рамках Департамента горнорудной промышленности и ресурсов.

получают на Западе все большую поддержку. Тоув Скутнабб-Кангас [Skutnabb-Kangas 2000, Skutnabb-Kangas et al. 2009] обсуждает понятие «лингвистического геноцида» («лингвицид», *linguicide*), часто являющегося результатом языковой дискриминации — лингвицизма. Скутнабб-Кангас показывает движущие силы искоренения языков меньшинств и ратует за установление норм международного права, квалифицирующих политику, связанную с нарушением прав человека в отношении языков (*linguistic human rights*), как преступление против человечности⁷. Появляется и понимание необходимости защиты национального суверенитета государств в части функционирования их национальных языков во всех сферах общественной жизни, а также равноправия и свободы выбора иностранного языка в обучении и межнациональном общении.

В отношении языкового, в т. ч. статусного, планирования к идеалу приближалась языковая политика СССР, где непосредственно после революции развернулось интенсивное языковое строительство и стали проводиться меры по повышению функционального статуса бытовавших там языков. Языковое строительство предполагало создание письменности, орфографии, словарей, терминологии, учебных пособий языков национальностей и народностей, теоретические исследования по ним [Исаев 1979]. Оно сопровождалось введением национальных языков в систему образования, открытием национальных школ, вузов и факультетов; стимулированием национальной литературы, культуры; изданием книг, газет на этих языках, введением их в массовую коммуникацию; коренизацией (укоренением) администрирования и делопроизводства на национальных языках, широким вовлечением в административную деятельность местного населения, освоением русским населением национальных республик местных языков — то есть закреплением национальных языков в качестве ведущих в тех или иных республиках и округах. Практически до конца существования СССР в нем было больше, чем в какой-либо стране мира, языков, на которых производилось обучение в школах и публиковалась литература: в 1989 г. в СССР было 43 языка обучения и языковых типов национальной школы, а газеты издавались на 56 языках [Беликов, Крысин 2000: 405]. Таким образом, несмотря на некоторые издержки языкового строительства, связанные со сложностями смены алфавитов и русификацией части национального образования, следует констатировать, что СССР явил миру образец наиболее демократичной, гибкой и гуманной национальной и языковой политики⁸.

Вестернизация: супралокальные ценности, супралокальная идентификация; изменение этикетных форм; взаимопереводимый корпус слов

Второй важной целью западной лингвокультурной политики в мире является вестернизация — заимствование странами-реципиентами англо-американских или

---

⁷Обращается внимание на психологическую сторону планирования языкового престижа. Т. Рисенто и Н. Хорнбергер, ссылаясь на ориентационную модель Р. Руиса, который исследовал языковую ситуацию в Пуэрто-Рико, описывают различные типы отношений (*attitudes*) обучаемых к языкам, зачастую неосознаваемые самими обучаемыми, но подлежащие учету и планированию: ориентация на проблемы, когда язык ассоциируется с социальными проблемами говорящих на нем групп — бедностью, низкой социальной мобильностью и др; правовая ориентация, когда возможность говорить и обучаться на родном языке отстаивается как основное право человека и гражданина; ориентация на язык как ресурс, который необходимо культивировать и развивать (а также учитывать, что «этот ресурс может иссякнуть вне его использования».

⁸ Российская Федерация в целом продолжает традицию СССР. В России свыше 160 национальностей и свыше 150 языков (из них государственный русский, 25 государственных республиканских языков), разработана гибкая национальная и языковая политика. Провозглашая принцип этнического и языкового равенства, законодательство некоторых субъектов Российской Федерации, согласно сложившейся практике, уделяет приоритетное внимание «титulyным» группам населения, а также коренным (автохтонным) этническим сообществам или группам, проживающим на данной территории длительный исторический срок. В республиках Удмуртии, Татарстане, Мордовии, Башкирии действуют нормативные правовые акты и межреспубликанские соглашения, направленные на поддержку культурного развития и языков титульных групп, которые проживают за пределами соответствующих автономий. Например, Республика Мордовия обязуется поддерживать на своей территории культуру и язык татарского меньшинства (5% населения), а Республика Татарстан — культуру и язык мордовского меньшинства (0,6%) [Степанов 2010].

западноевропейских стандартов в областях экономики, политики, образования и культуры, а также в повседневном образе жизни. Во внеязыковых сферах важнейшими составляющими вестернизации, согласно Дж. Фишману, является внедрение супралокальных ценностей и, в конечном счете, формирование супралокальной идентификации наций-реципиентов лингвокультурной политики.

Если бы тезис о супралокальных ценностях и идентификации не был откровенно включен в контекст вестернизации, он мог бы восприниматься как отражение распространенной в определенных западных кругах теории конвергенции, сближения разных систем, создания новых форм социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение то лучшее, что имеется в социализме и капитализме (и в этом смысле он перекликался бы с «общечеловеческими ценностями» времен «перестройки» в СССР)⁹. В статье же Фишмана природа супралокальных ценностей и идентификации обозначена недвусмысленно: как части вестернизации. Однако, поскольку идея неких общих для человечества ценностей (якобы воплощенных на Западе в наиболее прогрессивном виде) в мире популярна, есть смысл рассмотреть эти понятия подробнее.

Сам Дж. Фишман не расшифровывает понятия супралокальных ценностей, но попытки выделить некие общие для человечества ценности были. Вероятно, этот термин должен обозначать некие общие наднациональные ценности, которые предполагают признание их всем человечеством в качестве безусловных, которые запечатлены в большинстве мировых религий и могли бы быть ранжированы большинством людей земли как наивысшие. Однако имея большой объем и малое содержание, это понятие является очень нечетким¹⁰.

Даже беглый взгляд на предлагаемые системы таких ценностей представителями разных культур и идеологий обнаруживает существенную разницу. Например, российские исследователи В.И. Ефимов и В.М. Таланов выделяют три типа общечеловеческих ценностей: на уровне личности, для человечества в целом и общие социальные ценности¹¹. В первую группу входят истина, красота, справедливость, счастье. В [Соколов 1990, Радугин А.А., Радугин К.А. 1999] представлена следующая классификация духовных ценностей: смысложизненные (представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни); универсальные (витальные, ценности общественного признания, межличностного общения, демократические); партикулярные (привязанность к малой родине, семье). Авторы энциклопедии «Социология» [2003] называют в качестве духовных общечеловеческих ценностей жизнь, творчество, красоту, истину, справедливость, смысл жизни, добро, долг, ответственность, честь, достоинство, веру, свободу, равенство. «Традиционными» общечеловеческими ценностями, в советском понимании, считались семья, любимая работа на благо общества, отечество и народ, гуманистическая мораль, мир и добрососедские отношения с другими странами и т.п.

Ценности, провозглашаемые основанными на Западе глобалистскими структурами, существенно отличаются от приведенных выше. Так, ресурс <http://www.globalvalues.org/> перечисляет в качестве «глобальных ценностей» такие как: единство в разнообразии (unity in diversity), единение (community), жизнь, свободу и демократию, взаимосвязь, экологическую рациональность (sustainability), креативность, расширение полномочий (enhancement), свободу выбора, целостность (integrity, т.ж. перевод. как «последовательность в действиях», «верность себе»). Международная ассоциация человеческих ценностей (International Association for Human Values (IAHV)) называет в качестве «универсальных» ценностей уважение, толерантность, принятие, щедрость, заботу о ближнем и планете, мир, достоинство, чувство единения, целостность (integrity) и любовь (www.iahv.org.uk). Ресурс Universe Spirit, в соответствии с взглядами В. Белла¹², предлагает считать такими ценностями

⁹ Например, в Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.

¹⁰ Впрочем, нельзя не отметить, что во внутренней форме слова «супралокальные» есть то, что это понятие, по-видимому, исключает: патриотизм, приоритетную заботу об интересах своей страны и народа.

¹¹ http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/49/yef_tal.htm

¹² Wendall B. Humanity's Common Values: Seeking a Positive Future // The Futurist, September-October 2004. - Pp. 30-36.

индивидуальную ответственность, принцип «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой», уважение к жизни, экономическую и социальную справедливость, благоприятный для природы образ жизни (nature-friendly ways of life), честность, умеренность, свободу, толерантность (<http://www.universespirit.org>).

Обратимся к трактовке базовых ценностей психологами и теоретиками межкультурной коммуникации Ш. Шварцем и В. Билски. В [Schwartz 2006, Bilsky, Schwartz 1994, Bilsky, Koch 2002] основные человеческие ценности систематизируются в соответствии с 10-ю мотивационными критериями (традиционализм, конформность, безопасность, доброжелательность, универсализм, власть, достижения, гедонизм, стимуляция и саморегуляция). Сам набор ценностей формулируется в результате синтеза ценностных моделей Ч. Морриса, П. Демпси и У.Ф. Дьюкса, Р.Х. Киллмана, М. Рокича, Д. Маклилланда.

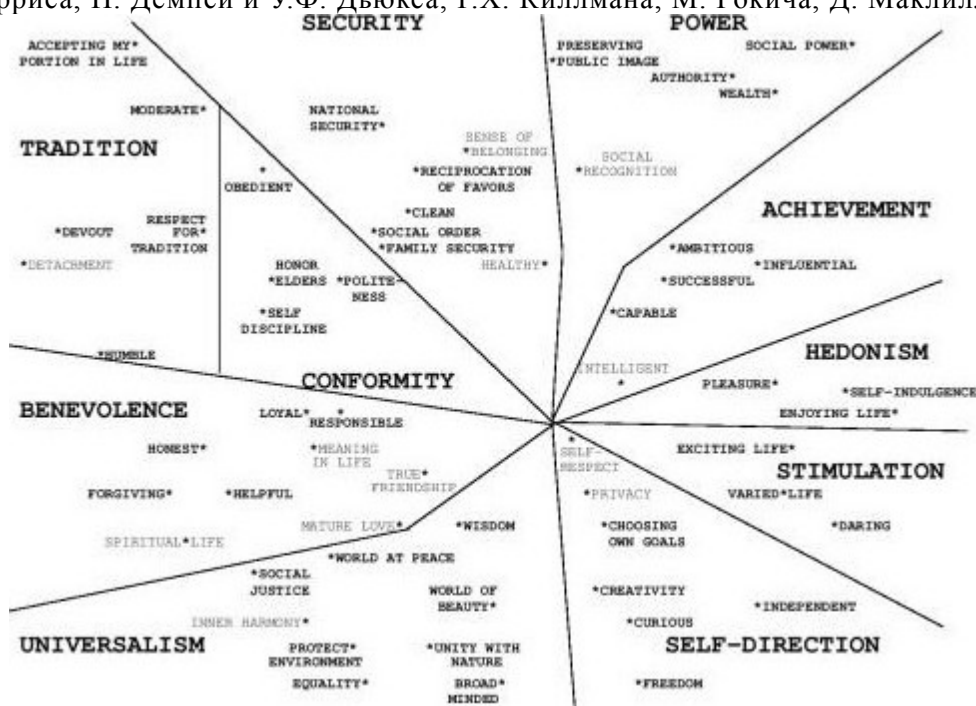

Рис. 1. Схема Ш.Шварца, отражающая многомерное шкалирование базовых ценностей на основе усредненных данных по 68 странам мира

При сопоставлении объема базовых ценностей Шварца и Билски с набором ценностей, приводимых глобалистскими ресурсами, легко заметить, что в последних не охватывается параметр консерватизма, не учитываются мотивации традиции, конформности и безопасности (семья, национальная безопасность, уважение к традициям своего народа, принятие своего места в жизни и др.). Но именно эти мотивации являются наиболее естественными при формулировании ценностей, а также решающими для физического и этнокультурного воспроизводства человеческого рода. Сами по себе, в отрыве от традиции, универсалистские ценности и ценности саморазвития не способствуют достижению этой цели.

Примечательна также избирательность перечисленных универсалистских ценностей и ценностей саморазвития: среди них отсутствуют такие, как смысл жизни, равенство, мудрость, духовность, выбор собственных целей, дерзание. Кроме того, нельзя не отметить, особенно в последнем из трех аксиологических рядов, акцентирование утилитарных, прагматических и либерально-индивидуалистских ценностей, отражающих протестантское (атлантистское, капиталистическое) мировоззрение. Это согласуется с мнением В.Г. Соколенко, что «синтез мондиалистской идеи с реалиями глобальной интеграции осуществляется на основе ценностей атлантистской цивилизации, занявшей <...> лидирующее положение в цивилизационном спектре» [Соколенко Интернет-ресурс].

Если же произвести контекстуальный анализ приведенных ценностей, то оказывается, что в них имеет место своеобразная подмена понятий, сопровождаемая глобалистским «новоязом», оруэлловским doublespeak. Так, под видом «взаимосвязи» подается идея

укрепления наднациональных связей и ослабления связующих общество традиций и институтов, делегирование управления неким наднациональным структурам; под видом «единства» - примирение с фактом существования угнетаемых стран (неоколоний) и стран управляющего центра; под видом защиты окружающей среды — контроль над природными ресурсами других стран¹³; под видом «расширения полномочий» и «свободы выбора» - приоритет индивидуальных свобод и интересов перед традиционными устоями и национальными нуждами; под видом «толерантности» - размывание границ между нравственной и социальной нормой и отклонением, обязательство большинства, приверженного традиционным этическим, культурным, поведенческим и иным нормам, терпимо сносить нарушения этих норм, а также обезоруживание, отнятие способности бороться через утверждение либеральных законов; вместо честности и стремления к истине - «целостность», верность себе, соответствие действий человека его принципам, даже если эти принципы, с традиционной точки зрения, аморальны¹⁴. Таким образом, в приведенных аксиологических рядах просматриваются доминанты, отражающие цели и интересы глобальных элит.

Итак, понятие «супралокальных» («общечеловеческих») ценностей является крайне нечетким и может быть (и, собственно, является) предметом манипуляции в интересах определенных групп. То же самое касается и понятия «супралокальной» идентичности.

Рассмотрим некоторые инструменты привития народам-реципиентам так называемых супралокальных ценностей и супралокальной идентичности.

Первым из них является культурная экспансия, осуществляемая за счет массивного притока переведенной с английского языка газетно-публицистической, художественной и культурной продукции, которая заполняет национальное культурно-идеологическое пространство мемами¹⁵ англосаксонской культуры. В результате исконные лингвокультурные и ценностно-символические феномены вытесняются на периферию (маргинализируются) и архаизируются. В русле культурной экспансии можно рассматривать также коммерческую рекламу и молодежные субкультуры, воспитывающие вкусы и привычки населения.

Помимо интенсивного просвещения в области более или менее высоких образцов западной культуры, большое значение придается насаждению квази-культурных образцов, массовому производству шаблонной продукции низкого качества и духовного содержания, разработке соответствующих «культурных» и медийных проектов. Вообще, «культурное насилие» как отражение гегемонии элит пронизывает западное общество уже давно. Й. Галтунг [Galtung 1990], показывает, что встроенное в западную культуру символическое насилие, хотя и не убивает и не калечит, как прямое насилие, но используется, чтобы узаконивать насилие в человеческом сознании. Оно меняет моральную оценку акта насилия, представляя его, как допустимое, делает сознание нечувствительным к факту эксплуатации и преступления. Тем не менее, «консциентальная война» в культурно-информационных областях на постсоветском пространстве позволяет говорить об особом виде насилия на этой территории, более жестком по сравнению со странами западного мира. Поражаются сущностные, смыслопорождающие символы и образы бывших народов СССР, симулякры, созданные по западному шаблону на исконном культурном материале, являются более примитивными, brutальными, губительными

---

¹³Для такого вывода имеются все основания, например, есть данные о присвоении глобальной элитой под предлогом экологической охраны огромных участков территории других стран с выселением с них людей, например, см. Нил Никандров «Миллионер Томпкинс, оператор Империи США в Патагонии» (<http://www.fondsk.ru/news/2012/12/02/millioner-tompkins-operator-imperii-ssha-v-patagonii.html>).

¹⁴Например, верность себе, «целостность», считала одной из высших добродетелей такая неоднозначная фигура в истории философской мысли, как Айн Рэнд; эту черту характера приводил в свое оправдание серийный убийца Том Банди [Zuckert, Zuckert 2006]. Integrity является основным принципом в англосаксонской традиции так называемых «состязательных процессов» и высшим критерием при вынесении приговора.

¹⁵ Понятие «мем», введенное Р. Докинзом и разрабатываемое Д. Рашкоффом, означает единицу культурной информации, распространяемой от одного человека к другому посредством имитации, научения и др.

для национального самосознания наших народов¹⁶.

Все это приводит к расшатыванию прежних ценностных понятий, деконструкции системы исконных ценностей, к тому, что А.Д. Васильев назвал аксиологической реполяризацией, или реполяризацией этических ценностей, когда рубрики аксиологической шкалы смещены или заглушены настолько, что почти перестают осуществлять функции ориентиров [Васильев 2000]. По большому счету, инокультурная экспансия влечет за собой утрату народами глубинного понимания смыслов предшествующих поколений и исторических периодов, соответственно, деструкцию национально-специфического образа мира (и его последующую реконструкцию с западной доминантой). В терминах знаменитого социолингвиста Р. Филлипсона, рассматривающего феномены лингвистического империализма и лингвокультурной гегемонии, происходит смена исконных космологий и соответствующих эпистемологий (а также аксиологий — Е.Ш.) на монокультурную одноязычную англосаксонскую модель, центральной идеей которой является экономическая эффективность [Phillipson 2000: 63]¹⁷.

Второй инструмент привития супралокальных ценностей и идентичности - дискурсивная экспансия. Кроме собственно концептуального материала, внедряются унифицированные, монокультурные дискурсы и соответствующие стили мышления, коммуникации, поведения. Дискурсивная экспансия сопровождает внедрение форм организации деятельности, принятых в «развитых западных странах» (либерально-буржуазных демократиях). Например, с приходом на местные рынки транснациональных корпораций, появился новый «рыночный» вариант социолекта, основанного на глобальном дискурсе ТНК. Дискурсы, регистры и стили речи, принятые в местных представительствах ТНК, т. н. «практикующих группах» (community of practice (CoP)), владеющих ноу-хау коммерческой коммуникации, влияют на речь местного населения. Фактически, «практикующие группы» приписывают новые символические значения лингвистическому материалу местных языков [Mahajan Интернет-ресурс]. Дискурсивные практики этих групп, как следует из автореферата А. П. Махаджана, привносят в обыденное общение модели отношений продавца и клиента: общение по типу просвещения и убеждения собеседников в стиле продавца продукта (услуги, информации); партнерские отношения с людьми по принципу равноценного обмена; построение межличностных связей на основе принципов корпоративной культуры; стремление к управлению людьми. Этот новый тип социолекта, основанного на «продвинутом» наднациональном коммерциализированном дискурсе, связывает те группы местного населения, которые готовы взаимодействовать в таком духе, и отторгает, дискриминирует те группы, которые предпочитают традиционные формы общения.

Такого рода «глобализация дискурсов», точнее, их вестернизация, происходит не только в экономике услуг, но и практически во всех социальных сферах: в образовании, здравоохранении, судебно-правовой системе¹⁸ и др. Закрепляется же такое положение вещей с помощью наднациональных институтов, через которые осуществляется контроль за

¹⁶Российский кинопрокат пестрит такими симулякрами. Характерный эпизод в одном из них: старушка слышит в подъезде шум, подходит к подъезду, прислоняет ухо к двери, а в это время двое борющихся скатываются по лестнице и распахивают дверь. Старушка изображена умершей в позе подслушивания, что призвано вызвать гадливое и злорадное чувство у зрителя. Примеры глубоко аморальных симулякров приводят и авторы концепции концентриальных войн Ю.В. Громыко и Ю.В. Крупнов, например, <http://www.stormbook.ru/?module=articles&c=articles&b=7&a=40>. Это и сериалы, и фильмы, и передачи типа «Про это», «Моя семья», «За стеклом», «Окна», «Последний герой», «Большая стирка» и т.д. и т.п.

¹⁷Мы полагаем, что не в меньшей степени вестернизацию было бы оправданно назвать капиталоцентризмом, поскольку в англоязычной протестантской культуре капиталистические ценности стали основополагающими, перешли из разряда характеристик, сопровождающих экономический строй, в устойчивые структуры менталитета. Факт слияния вестернизации и капиталоцентризма подтверждают и социолингвисты, говоря о специфических функциях английского языка. Р. Филлипсон считает, что имеется много данных в пользу того, что английский язык является краеугольным камнем глобальной капиталистической системы [Phillipson 1994: 10]. Дж. Фишман пишет: «Английский язык <...> приходит, неся с собой капитализм, демократию, молодость, культуру и современные технологии» [Fishman 2006: 58].

соблюдением западных предписаний.

Третьим инструментом привития супралокальных ценностей и идентичности является утверждение английского языка в качестве важнейшего средства коммуникации, «мирового», «всемирного», «глобального» языка. В отношении инструментальности английского языка для вестернизации и глобализации можно выделить несколько аспектов: а) его проникновение в качестве *lingua franca* во все сферы общественной деятельности: экономическую, научно-техническую, культурную, академическую и др.; б) повсеместное распространения обучения английскому языку как второму и иностранному, искусственное создание диглоссии; в) интенсивное распространение ментефактов на английском языке через СМИ; г) агрессивная политика продвижения английского языка и пропаганда его престижности. Здесь уместна аналогия с американской и, ранее, британской валютами, являющимися, по существу, всеобщим эквивалентом мирового товарного обмена. Точно так же, как эти валюты становятся самыми надежными, «твердыми» не сами по себе, а за счет разворота всей мировой финансовой системы в сторону англосаксонских банковских центров, параллельно с созданием нестабильности в странах и регионах с иными валютами и подчинения региональных экономик единому центру, английский язык становится всеобщим кодом международного общения и своеобразным «пропуском в цивилизованный мир» не сам по себе, а благодаря планированию и созданию соответствующих условий. Роль английского языка в процессах вестернизации будет освещена ниже.

Остановимся на еще одном аспекте языковой политики - разработке корпуса лексических единиц в языках-реципиентах. Согласно Ч. Фергюсону, важнейшей целью языковой модернизации является взаимопереводимость языка-реципиента с/ на другие языки, отражающая его способность охватывать тематику и формы дискурса, свойственные промышленно развитым, секуляризованным и структурно дифференцированным современным обществам [Ferguson 1971]. Сама по себе идея планирования взаимопереводимого корпуса слов на разных языках является здоровой, особенно если учесть возможности автоматического перевода, значительно облегчающего коммуникацию. Вместе с тем, нельзя не отметить, что искусственное стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, насаждение слов, лишенных истории, лингвокультурного компонента значения, а также архаизация и маргинализация традиционных номинаций и речевых форм таят в себе опасность значительного обеднения языка-реципиента, выхолащивания в нем того, что В. Фон Гумбольдт называл «духом народа». Еще большую опасность представляет тот факт, что заимствование слов при составлении корпуса, по-существу, совершается лишь в одном направлении: наблюдается лексическое донорство английского языка и пассивное принятие лексики языком-реципиентом, но не наоборот. Это значит, что язык-донор доминирует над языком-реципиентом, лингвисты отбирают понятия (концепты), разрабатывают дискурсы и дискурсивные практики, исходя из западоцентристских установок. А понятия, обозначенные именами, лишенными внутренней формы, регулярно используются в определенных контекстах для выстраивания западной понятийной картины мира, точнее, идеологием западной элиты. Поэтому при планировании корпуса слов важными требованиями должны быть демократичность, разнонаправленность заимствования, а также сохранение национальной, культурной и языковой идентичности народов.

Вестернизация и глобализация. Английский язык как инструмент вестернизации а l'anglaise

Выше мы отметили, что одной из основных целей языковой политики западных стран по отношению к другим странам является вестернизация [Fishman 1974б]. Особая роль в этом процессе отводится английскому языку. Как таковой, язык является важнейшим инструментом в выстраивании картины мира, хранении и передаче идеологием и мифологием - исконных, выросших на национальной почве, и привнесенных извне. Именно поэтому экспансия английского языка, наряду с культурной и дискурсивной экспансией, является важнейшим направлением западной языковой политики.

Рассмотрим сначала более детально феномен вестернизации. Его можно понимать в двух аспектах (хотя в обоих случаях этот феномен вписывается в концепцию культурной гегемонии А. Грамши). Со стороны стран-гегемонов вестернизация означает деятельность, направленную на включение всего человечества в сферу влияния, власти и эксплуатации развитых стран [Яценко 1999]. Со

¹⁸Достаточно упомянуть тот факт, что конституции постсоветских государств писались заокеанскими советниками, их неисконный, переводной характер обнаруживает простой текстологический анализ.

стороны стран-реципиентов, вестернизация — это заимствование англо-американских или западноевропейских стандартов в областях экономики, политики, образования и культуры, а также в повседневном образе жизни.

Следует признать, что у вестернизации есть объективные предпосылки. Это главенствующая роль Запада в экономике и политике на современном этапе мирового развития, а также глобализация — мировая интеграция, отражающаяся в таких явлениях, как глобальный рынок, международное разделение труда, транснациональное капиталистическое производство, движение финансового и промышленного капитала, рабочей силы, глобальные телекоммуникации, более или менее открытый рынок научно-технических достижений и т.д. Однако сами эти объективные предпосылки порождены субъективно-волевыми факторами, целенаправленной деятельностью по планированию и реализации экономической, научно-технической, социально-институциональной и культурно-идеологической гегемонии. При этом сама так называемая «глобализация» на современном этапе представляет собой, по существу, ни что иное, как вестернизацию.

В этой связи возникает вопрос: закономерна ли, неизбежна ли вестернизация? На этот счет есть две точки зрения. Ряд ученых утверждает, что этот процесс отражает единое мировое поступательное развитие в результате всеобщего признания западных экономических, общественно-политических и культурных моделей как наилучших из возможных (например, [Кувалдин 2003: 35]). Другие связывают ее с *экспансией западной модели общества и приспособлением мира к потребностям этой модели* [Иноземцев 2004]. Мы разделяем второе мнение. По сути, вестернизация никогда не была спонтанным и самоподдерживающимся процессом и никогда не отражала заинтересованность принимающей стороны. У нее изначально был субъект - мировой центр и объекты - мировая периферия, и первый всегда осуществлял жесткий контроль над последними. Начиная с XVI в. Европа выступала движущей силой глобальной экспансии, ее субъектом, а колонизируемые народы - ее объектом. И в современном мире глобализация имеет четкую иерархичность и направленность, существует четкое различие между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией, которое вполне осознаются всеми участниками процесса. Поэтому не приходится доказывать регулируемый характер глобализации по западному образцу. Такого рода глобализация не ведет к формированию единой цивилизации, базирующейся на «общечеловеческих» ценностях, или «сетевого» общества на основе демократии, но создает мир, управляемый из единого центра на основе принципов и идеологий западных элит. Она не является неизбежным процессом, но планируемой и социально конструируемой деятельностью.

По существу, вестернизация и глобализация в том однополярном виде, в котором они существуют сейчас, отражают глобальную гегемонию одного субъекта — англоязычного (англосаксонского) мира. Частью этой гегемонии является культурная гегемония, в грамшианском духе, — то есть не прямое доминирование, *когда культура и язык скрыто транслируют идеологию доминирующих элит. Будучи усвоенной массами и народами, эта идеология начинает восприниматься ими как своя собственная, они отстаивают ее, даже если объективно она не в их интересах* [Gramsci 1975, Грамши 1991]¹⁹. Со стороны англоязычных стран это означает искусственное создание внешних условий для формирования англоцентристских ценностей и убеждений, которые выдаются за собственные, естественно сформировавшиеся за счет «законов рынка» в ответ на наиболее привлекательные «бренды», которые представляют английский язык и англоязычная культура.

Как мы показали выше, вестернизация как часть языковой политики предполагает западоцентризм (распространение супралокальной (=западной) идентификации и супралокальных ценностей), разработку на основе англоязычных концептов и номинаций корпуса лексических единиц в языках-реципиентах, взаимопереводимых (intertranslatable) с/ на английский язык; маргинализацию и архаизацию традиционных национальных языковых номинаций и речевых форм; стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, сходного описания тех или иных предметных ситуаций; нивелирование языковых картин мира, дискурсов и дискурсивных практик по западному образцу [Ferguson 1968, Fishman 1974a,b, 1985, 1991, 2006; Phillipson 1992, 2009a,b, Galtung

¹⁹Фактически здесь наблюдается извращение капиталократией теории А. Грамши, поскольку, если для Грамши культурная гегемония означает такое положение, когда новая, прогрессивная интеллигенция манипулирует угнетенными классами, направляя их на осознание своих интересов и целей, она оправдана целью преобразования общества в более гуманное и лишенное эксплуатации, то в том виде, в котором она используется сегодня, она выгодна лишь капиталистической элите, стремящейся сохранить свой статус-кво.

1990, Ricento & Hornberger 1996 и др].

Мы выявили три основных инструмента вестернизации: культурную экспансию, дискурсивную экспансию и языковую экспансию. Мы отметили, что английский язык инструментален для вестернизации и глобализации в ряде аспектов: а) проникновении в качестве lingua franca во все сферы общественной деятельности; б) повсеместном распространении обучения английскому языку, искусственном создании диглосии; в) интенсивном распространении ментефактов на английском языке через СМИ; г) агрессивной политике продвижения английского языка и пропаганде его престижности.

Ниже мы остановимся на ряде аспектов экспансии английского языка, определим роль «языковой педагогики» в его распространении, очертим два подхода к обучению иностранному языку: English-language-diffusion и language-ecology, опишем две философские парадигмы языковой политики — позитивистскую и структурно-историческую, рассмотрим тип билингвизма, .

Признаки языковой экспансии: агрессивное продвижение языка, экспорт языковой педагогики

В отношении агрессивной политики продвижения английского языка симптоматичны публичные заявления британских общественных деятелей, демонстрирующие агрессивную языковую политику Великобритании. Много свидетельств такого рода приведено в [Phillipson 1992], мы остановимся лишь на нескольких из них. Одним из первых заявлений британского министра иностранных дел в ранний постсоветский период (май 1990 г.) было то, что целью Великобритании является вытеснение английским языком русского в качестве второго языка в Восточной Европе [Phillipson 1994: 10]. Показателен доклад Британского совета в период распада советского блока в 1989-1990 гг., где отмечается, что для 30 миллионов человек в Центральной и Восточной Европе в 1990-е гг. потребуется 100 тысяч новых учителей [British Council Annual Report, 1989/90: 17]. То, что поощрение английского языка не связано с «альтруистической помощью бывшим жертвам коммунизма на пути к демократии и правам человека», продемонстрировал активно продвигаемый принцем Чарльзом проект распространения и закрепления английского языка на постсоветском пространстве до 2000 г. (English 2000), к реализации которого Британский совет приступил в начале 1995 г. Пресса, связанная с этим медиа-событием (которое «благородный принц» сопровождал нападками на «извращенный» американский вариант английского языка (Таймс, 24 марта 1995)) сообщала, что цель проекта English 2000 - «эксплуатировать положение английского языка для защиты британских интересов» и «дальнейшего поддержания и расширения роли английского языка как всемирного языка в следующем столетии» ([British Council Annual Report, 1995], цит. по [Phillipson 1996: 431]). Англоязычная экспансия распространилась не только на постсоветский блок, но и на Европейский союз в целом, что подтверждает следующее заявление специалиста по языковой педагогике М. Бернс: «Вероятно, английский язык станет основным языком граждан ЕС. Неважно, будет или не будет он когда-либо объявлен таковым официально, но он определенно будет все более широко использоваться в качестве средства внутриевропейской коммуникации всеми социальными группами» ([Berns 1995: 9] цит. по [Phillipson 1996: 432]).

Для такого рода агрессивной языковой политики, проводимой вкуче с культурной гегемонией, Роберт Филлипсон вводит понятие лингвистического империализма, которое он определяет как установление и непрерывное воспроизводство структурного (статусного) и культурного неравенства между английским и другими языками, продолжающееся доминирование английского языка в постколониальных странах, таких как Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве и др. и, в смягченном варианте, по всему миру [Phillipson 1992, 2009]. В дальнейшем мы будем пользоваться термином Филлипсона либо альтернативным термином, вводимым нами, - «вестернизация а l'anglaise». Конечная цель вестернизации а l'anglaise - стирание национальной, культурной, языковой идентичности народов и их унификация по англосаксонскому образцу, что само по себе обеспечивает наилучший глобальный контроль над массами.

Теория и практика обучения иностранному языку, или то, что в западных источниках называется «языковой педагогией» (language pedagogy), играет важную роль в реализации указанной политики. Р. Филлипсон, посвятивший свой труд 1992 г. выявлению исторических, политических и интеллектуальных корней лингвистического империализма, полагает, что научные исследования по языку и методикам обучения языкам слишком долго были изолированы от социальных наук [Phillipson 1992]. Вместе с тем, есть настоятельная потребность во включении языковой педагогики «в макросоциальную теоретическую перспективу» (тем более, что сами разработчики языковой политики Запада в

отношении стран мира руководствуются социолингвистическими и лингвокультурными исследованиями [Шелестюк 2012]). Филлипсон, который сам начинал свою карьеру в качестве преподавателя и был одним из тех, кого Британский совет посылал в страны третьего мира для внедрения английского в систему образования как языка обучения в местных школах, пришел к осознанию феномена лингвистического империализма, когда понял, что эта система способствует превращению территорий указанных стран в неокOLONIAльные структуры, зависимые от иностранных товаров, ноу-хау, специалистов и консультантов, компаний-работодателей, финансовых структур и т.д.

Языковая педагогика разрабатывается как часть языковой политики, планируется, финансируется и продвигается для установления гегемонии английского языка на международном уровне. Теория и практика обучения иностранному языку (ELT, English Language Teaching), разработка методик преподавания английского как второго и как иностранного языка (ESL, EFL) широко поддерживаются международными, правительственными и неправительственными структурами Великобритании и США: министерствами иностранных дел указанных стран, Управлением по развитию заморских территорий, Британским советом, МВФ, Всемирным банком, Фондом Форда, Фондом Карнеги и др. [Phillipson 1992]. Языковая педагогика сопровождается массовым открытием университетских кафедр, языковых школ, английских клубов, конференциями, публикациями и прочей атрибутикой, утверждающей престиж английского языка. Огромные средства направляются на коммерческую рекламу обучающих курсов английского языка, рекрутирование кадров, развитие методик, написание учебников и т. п. Создается система организаций (например, worldteach.org, transitionabroad.com, bridgetefl.com), отправляющих студентов в страны Азии, Африки, Латинской Америки для преподавания английского языка²⁰. Работает система внедрения британских образовательных структур в вузы разных стран через разработку курсов и систему оценок, рейтингов, определяющих уровень владения английским языком (компания English First).

Сам английский язык рассматривается как товар, а его преподавание как составная часть «экспорта» товара. Согласно докладу «Экономист интеллидженс юнит» (аналитического подразделения группы компаний Economist Group, издателя журнала Economist), это растущий многомиллиардный бизнес, для которого разрабатываются специальные стратегии получения прибыли^{21,22}. Впрочем, очевидно, что экономическая выгода ELT, какой бы она ни была, играет подчиненную роль по сравнению с его политической стороной как инструмента гегемонии, вестернизации а l'anglaise.

Спрос на «товар» достигается с помощью массивированной рекламы, как явной, так и скрытой, вкрапленной в разнообразные дискурсы²³. Наиболее распространенные аргументы в англоцентристских

---

²⁰Платят таким студентам-преподавателям меньше, чем носителям языка, важный критерий их отбора – европейская внешность.

²¹McCallen B. English as a world commodity. London: Economist Intelligence Unit, 1989, цит. по [Phillipson 1992: 4].

²²Вместе с тем, этот «зачастую прибыльный» бизнес, как правило, предпочитает мало платить своим преподавателям — и английского как родного языка в Великобритании и США, и английского как второго либо иностранного языка в других странах. Это отражает дисбаланс между надеждами рекрутируемых в данную профессию специалистов, а также их огромным количеством, и рынком, на котором обращается английский язык и который не предусматривает высокой оплаты профессионалов (Centre for British Teachers. Pilot study of the career path of the EFL teachers. London, 1989: 30, цит. по [Phillipson 1992: 4]). К тому же, по иронии, в самих Великобритании и США существуют неудовлетворенные потребности в качественном обучении английскому языку в рамках школьной программы, а изучение иностранных языков в этих странах является гораздо менее распространенным и эффективным, чем в большинстве стран мира.

²³Показателен, например, текст сайта российского филиала образовательной компании English First — Education First: «Миссия EF - преодоление языковых, культурных и географических барьеров, и наша компания помогла людям разных возрастов и национальностей стать настоящими гражданами мира... От Берлина до Пекина, от Москвы до Мехико, от Дубая до Денвера EF имеет 400 школ и офисов в более чем 50 странах. Международная сеть EF состоит из 14 000 сотрудников и 20 000 преподавателей и гидов. На сегодняшний день компания EF помогла более чем 15 миллионам людей изучить иностранный язык, открыть весь мир или получить учебную степень... К концу 90-х годов, когда Россия стала открытым обществом и в ней начала развиваться экономика, отношение к английскому языку в корне изменилось. Сегодня, особенно среди молодежи, считается, что знать

дискурсах — фактическое уравнивание английского языка с образованием, культурой, прогрессом и процветанием, акцентирование его престижности, популярности, моды на него, маркирование английского языка и образцов англосаксонской культуры как престижных, высшего качества; представление знания английского как важнейшей части образованности в современном мире, как насущной необходимости, а отсутствия обучения английскому — как «языковой депривации» (linguistic deprivation), например, в [Burchfield 1985: 160].

Критика такого рода дискурсов чаще всего не получает достаточного освещения, тем не менее, она есть. Здесь мы ограничимся двумя примерами. Р. Филлипсон разоблачает ряд мифов об иностранном языке, успешно эксплуатируемых заказчиками ELT: о том, что изучать иностранный язык следует с раннего детства, о том, что лучше всего иметь языковых носителей в качестве учителей²⁴, а также о том, что изучение нескольких иностранных языков — помеха хорошему усвоению английского. Ряд лингвистов аргументирует ложность насущной необходимости изучения английского языка и отождествления отсутствия обучения ему с «языковой депривацией»: «Многие миллионы весьма культурных, грамотных и образованных людей в мире живут счастливо, будучи вполне оправданно несведущими в английском языке. Если человек не нуждается в английском языке, знать его вовсе не обязательно. Поэтому люди должны прежде всего спросить себя о цели изучения английского языка. Если они не будут в достаточной степени пользоваться английским в своей жизни, они не должны тратить впустую свое время и деньги» [Tarhan 1998, Phillipson 2012]. Добавим, что изучение иностранного языка — требующий много усилий и внимания процесс, который, если язык изучается с раннего детства, часто предопределяет будущую профессию человека (в целом, непроизводительного характера: преподаватель иностранного языка, ученый-лингвист, переводчик), и надо всегда соизмерять затраты сил, времени, зачастую денег, а также вероятную предопределенность профессиональной деятельности со своими жизненными целями. В любом случае, нельзя руководствоваться лишь психологически тонкой и убедительно сформулированной рекламой.

Р. Филлипсон рассматривает две парадигмы языковой политики, выведенные японским ученым Ю. Тсудой, одна из которых наиболее ярко представлена движением English-Only («только английский») в США и продвижением английского языка как единственного лингва франка в Европейском союзе, а другая — движением за языковые права меньшинств и движением за многоязычие в Европейском союзе. Первая парадигма названа Филлипсоном «парадигмой распространения английского языка» (diffusion of English paradigm), вторая — «парадигмой экологии языка»; первая скорее отражает реальное положение вещей, вторая — желаемое. Рассмотрение этих двух парадигм в свете глобальных идеологических, политических, экономических, социальных и культурных процессов в Европейском союзе, посткоммунистических государствах и на международной арене в целом показывает близкую связь между языковой политикой, языковым планированием, языковой педагогикой (LPP и ELT) и указанными процессами. Так, парадигма распространения английского языка связана с экспансией империалистического и глобального капитализма, формированием единого англоязычного подязыка

английский и модно и полезно, поскольку это дает преимущества в карьере и делает возможным международное общение. Те из родителей, которые могут себе это позволить, с готовностью платят частным репетиторам английского языка за обучение своих детей. Чтобы удовлетворить повышенный спрос, открылись тысячи центров и школ английского. Однако, из-за того, что старшее поколение росло в других условиях и не получило адекватного языкового образования в детстве, современное знание английского языка среди взрослых остается на низком уровне... Выбор России в качестве страны проведения кубка мира по футболу 2018 года подстегивает правительство пересмотреть требования к знанию английского среди 800 тысяч своих служащих. В декабре 2010 года Министерство экономического развития опубликовало документ, в котором говорится, что к 2020 году планируется, чтобы 20% госслужащих владели каким-нибудь иностранным языком. В 2012 году свободный английский станет обязательным условием при найме на работу новых госслужащих... Несмотря на то, что английский язык все больше присутствует в повседневной жизни россиян, иностранные фильмы и передачи всегда дублируются на русский. Остается настороженное отношение к заимствованию иностранных слов в русском языке, закон запрещает использование иностранных слов в рекламе и на вывесках...». <http://www.ef-russia.ru/>

²⁴С поправкой на необходимость сокращения расходов за счет привлечения «гастарбайтеров»-неносителей языка, когда заказчики ELT обнаружили, что для нужного эффекта достаточно лишь изучать язык по учебникам и методическим материалам, издаваемым в Британии и США.

науки и техники, а также одноязычной глобализацией, модернизацией и транснационализацией. Парадигма экологии языка связана с признанием важности традиции, учета интересов всех этносов и национальностей в выборе языков обучения, «лингвистическим разнообразием» в обучении, движением за лингвистические права, поощрением многоязычия в преподавании иностранных языков, защитой национального суверенитета и независимости выбора государственной языковой политики от наднациональных структур [Phillipson, Skutnabb-Kangas 1996].

В настоящее время приходит понимание того, что для реализации «парадигмы экологии языка» в языковой политике необходимо производить мониторинг распространения английского языка с странах мира, дабы он не вытеснял исконные или другие иностранные языки из обучения, а также не выходил за рамки функциональных областей, отводимых для иностранного языка, в иные функциональные области. Тем более важно препятствовать продвижению английского языка на роль второго языка неанглоязычного государства²⁵.

Т. Рисенто и Н. Хорнбергер выделяют два основных подхода к языковой политике, в том числе в преподавании иностранного языка — позитивистский и историко-структурный [Ricento, Hornberger 1996]. Позитивистский подход утверждает разумность моноязычия доминирующих национальностей в полинациональных культурах, а в аспекте обучения иностранным языкам — разумность эксклюзивного преподавания одного, г.о. английского, языка в качестве универсального языка-посредника в международной коммуникации. Этот подход апеллирует к экономической целесообразности, утверждая, что государство оценивает конкурирующие языковые планы и принимает решения, исходя из затрат / выгод в целях максимального экономического роста, сохранения политической стабильности и контроля (эта позиция выражается, например, в [Rubin 1971]). Историко-структурный подход утверждает, что языковая политика, в грамшианском духе, узаконивает и воспроизводит социально-политическую гегемонию и выражает интересы доминирующих групп, причем зачастую неявно, с помощью гегемонистской идеологии или создания соответствующих условий существования. Люди не свободны в выборе языка (языков), поскольку язык является определяющим для получения образования или профессиональной коммуникации. Любой выбор ограничивается системой, которая усиливает и воспроизводит существующий социальный порядок. Одноязычие в всех важных функциональных областях часто отражает дискриминационное доминирование того или иного этноса, а эксклюзивная роль какого-либо иностранного языка - неколонизальные устремления тех или иных держав.

Исходя их ответа на вопрос *cui prodest*, историко-структурный подход показывает бенефициаров ведущей роли английского языка в мире, цели и политические средства его распространения, позволяет раскрыть исторические предпосылки сложившейся глобальной языковой ситуации. Экспансионистское продвижение США и Великобританией английского языка и западной культуры во все регионы мира служит для закрепления и воспроизводства ими мировой гегемонии. Исторически, Великобритания выиграла от своего колониального наследия в Африке и Азии, США же использовали свое экономическое и геополитическое влияние после Второй мировой войны, чтобы установить культурное и экономическое доминирование в районах, которые ранее были под британским контролем, а также во вновь созданных государствах Африки, Ближнего Востока и Азии. Использование английского языка в международной торговле и в области новых технологий способствовало его распространению и вытеснению сотен коренных региональных языков, многие из которых исторически служили региональными лингва франка. Наибольшее же распространение английский язык получил с начала 90-х годов XX века, после распада СССР и социалистического блока и становления однополярного мира.

Авторы показывают, что доминирование языков поддерживается бесчисленными способами,

---

²⁵ Из неколонизальных государств это касается прежде всего стран Скандинавии и посткоммунистической Восточной Европы. Неслучайно лингвисты из Дании Р. Филлипсон и Т. Скунабб-Кангас одними из первых забили тревогу по поводу англоязычного лингвизма (языковой дискриминации) в этой стране. Исследователи показывают, что в Дании английский фактически стал вторым языком в отношении рецептивных видов деятельности на языке (чтения и слушания). А для того, чтобы получить высшее образование и занять влиятельную позицию в обществе, необходимо также продемонстрировать продуктивное владение устной и письменной речью на английском языке. Английский является одним из фильтров в системе образования, который не может быть обойден [Phillipson, Skutnabb-Kangas 1983]. В другой работе Р. Филлипсон приводит заявление министра образования Дании о том, что английский перешел от статуса первого иностранного языка в Дании к статусу «второго родного языка» датчан [Phillipson 1992: 9].

некоторые из которых отражают явную, но большинство - скрытую гегемонию. Пример явного выражения языковой гегемонии — объявление для работников парикмахерской в супермаркете J.C. Penney в Сан-Антонио, штат Техас: «Sunday Associates — if you are having lunch in the meeting room you must sign out for lunch. If you don't your luncheon will have to stop. ALSO this is AMERICA* We only speak ENGLISH* in our salon. NO SPANISH. Thx Jane *only exception is if client does not speak English». В качестве примера неявной гегемонии авторы приводят использование английского языка на профессиональных встречах в филиалах TESOL неанглоязычных стран, например, Японии. В том же духе, мы привели бы пример скрытой гегемонии в использовании исключительно английского языка без перевода всеми выступающими на открытии выставки Иннопром-2012 в Екатеринбурге, хотя местом встречи являлся российский город, а большинство аудитории составляли русскоязычные.

Представляя планирование обучения языку в виде луковицы, Рисенто и Хорнбергер показывают, что наднациональные структуры и государство составляют ее внешние слои, определяющие законодательство о языках, принципы и содержание языковой политики; институты — следующий слой, оформляющий содержание программ и учебных пособий; учитель же находится в самом ее ядре. Как правило, он не анализирует и не оценивает тот материал, методы и компетенции, которые составляют неотъемлемые части его профессии, с точки зрения их прагматических интенций и соответствия их интересам обучаемых. Между тем, как утверждают авторы статьи, любая учебная программа не является нейтральной, но имеет скрытые политические цели. Рисенто и Хорнбергер подчеркивают, что каждый преподаватель иностранного языка с неизбежностью оказывается причастным к языковой политике и планированию. Они призывают профессионалов ELT осознавать эту причастность и подходить к своему делу нравственно и ответственно, исходя прежде всего из интересов обучаемых

В отношении практики преподавания английского языка следует отметить факт практически повсеместного перехода в преподавании в вузах и школах на учебники, издаваемые в Великобритании (существенно реже — в США). В то же время, если, как предлагают современные социолингвисты, включить подбор и представление материалов для изучения в учебниках по английскому языку как иностранному в социололингвистическую перспективу, культурно-идеологическая пристрастность отбора сведений в вышеуказанных учебниках становится вполне очевидной. Как показывают исследования, в них воспроизводятся англосаксонские культурные стереотипы и идеологемы. Например, неотъемлемой частью британских учебных пособий и курсов для иностранцев (серии Streamline English, Headway, English in Action (курс The Royal Family) и др.) является тематика британской королевской семьи. При этом обнаруживается необъективность подачи информации: представляются лишь нейтральные, положительные или курьезные сведения о Виндзорах, прослеживается позитивный и даже благоговейный тон нарратива. Скажем, упоминая, о безрассудной женитьбе Эдуарда VIII, авторы не говорят о факте его приверженности идеологии нацизма; рассказывая, обычно в сентиментальном ключе, о жизни и смерти принцессы Дианы, не говорят о ее фактическом противостоянии королевскому двору, об иске к королевской семье по поводу смерти Дианы и Д.Аль-Файеда, не говорят о многих других «темных страницах» истории британской королевской семьи.

Интенсивное обучение по таким учебникам без включения критического анализа материала, особенно в ситуации, когда преподаванию собственного языка, культуры и истории не уделяется должного внимания (или они намеренно подаются в негативном свете), чревато, по мнению многих исследователей, искажением национальной и культурной идентичности учащихся, вытеснением родной лингвокультурной картины мира иноязычной, усвоением ложных стереотипов, «слепым» англоцентризмом, отсутствием интереса к другим языкам и культурам мира и т.п. (например, [Prodromou 1992, Hyde 1994, Gray 2000, Caputa 2002]). Поэтому существенным является специальная деятельность учителя и учащихся по анализу, сравнению, сопоставлению культурного материала изучаемого языка с материалом иных культур, формированию мнения у учащихся по поводу представленных стереотипов, принятию или отвержению тех или иных ценностей и идей. Важнейшей же предпосылкой этой деятельности является продолжающееся на протяжении всего обучения оснащение учащихся доскональным и ценностным знанием их собственного языка, культуры и истории, обеспечивающее ту основу, опираясь на которую, можно судить о фактах иной лингвокультуры²⁶.

²⁶ Впрочем, на наш взгляд, упомянутый «культурно-сопоставительный» подход является лишь одним, наиболее компромиссным, выходом из ситуации изоязычной и инокультурной гегемонии, обеспечиваемой массивным воздействием иностранного языка и культуры в ущерб собственным. Другим, более радикальным выходом,

Субтрактивный билингвизм как результат вестернизации а l'anglaise

Изучение иностранного языка теснейшим образом связано с понятием диглоссии (билингвизма) — владения двумя языками (а в случае изучения нескольких иностранных языков — с понятиями полилингвизма и полиглоссии). Билингвизм обычно описывается в виде оппозиций свойств, которые должны учитываться при планировании и корректировке обучения иностранному языку.

1) Во-первых, это рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий) билингвизм.

2) Во-вторых, это субординативный и координативный билингвизм; первый есть такой тип двуязычия, когда говорящий воспринимает один язык через другой (как правило иностранный через родной, но иногда и наоборот), несмотря на отличия этих языков, второй — когда говорящий разделяет два языка, не смешивает их в речи, в его сознании родной и иностранный языки автономны.

3) В-третьих, это аддитивный и субтрактивный билингвизм; в первом случае ребенок получает знание иностранного языка и культуры в дополнение к родному языку и культуре, во втором — изучение иностранного языка и культуры наносит ущерб знанию собственных языка и культуры.

Вестернизация а l'anglaise осуществляется вполне целенаправленно в течение уже достаточно длительного времени, и в результате во многих странах мира сформировались искусственная диглоссия, *координативный, субтрактивный билингвизм*, при котором английский язык используется наравне с родным языком в большинстве функциональных сфер или даже вытесняет родной язык. Английский распространяется в качестве второго или иностранного языка и приобретает свойства «высокого языка» (high language, Н-языка по Дж. Фишману [Fishman 1985]), с выгодой конкурируя с национальным языком в официальных и полуофициальных функциональных сферах, в науке, образовании, книжно-письменной культуре и воспринимаясь массовым сознанием как надэтнический, универсальный, престижный и «образцовый»²⁷. Такое распространение и повышение статуса второго (или иностранного) языка наносит ущерб статусу и развитию родного (национального) языка: его изучение перестает поддерживаться государством в должной мере; владение в совершенстве родным языком не рассматривается как умение, существенное для получения хорошего образования и успешной карьеры; население проникается большим уважением к культуре иностранного языка, чем к культуре родного языка [Baker 1996]. Субтрактивный билингвизм непосредственно связан с частичной или полной утратой суверенитета, потерей культурной идентичности, языковой дискриминацией местного населения в образовании и работе.

Согласно индексу EF EPI²⁸ за 2011 год, наиболее высокий уровень владения английским отмечается в Норвегии (69,09), Нидерландах (67,93), Дании (66,58), Швеции (66,26), Финляндии (61,25), Австрии (58,58), Бельгии (57,23). В этих странах, как и в большинстве посткоммунистических стран, тенденции субтрактивного билингвизма становятся наиболее очевидными. В престижных областях коммуникации, науке, образовании английский язык используется на одном уровне с национальными языками или даже вытесняет их. Например, модным подходом к высшему (т. н. «третичному») образованию в континентальной Европе стала система CLIL (Content and Language Integrated Learning) - предметно-языковое интегрированное обучение. Система CLIL узаконивает

является переход к универсальному искусственному языку-посреднику (artificial inter-language), на котором мы подробнее остановимся в другой статье. Подробное рассмотрение дингвокультурной составляющей обучающих курсов и текстов учебников также составит предмет другой статьи.

²⁷Однако диалектика престижности такова, что социально одобряемыми могут становиться не только высокие образцы творчества на Н-языке, но и продукты массовой культуры и субкультур, а также модели повседневной коммуникации на нем. Они закрепляются как норма, как общепринятый стандарт, и неследование этому стандарту начинает расцениваться как отклонение от нормы. Зная эту закономерность, языковые планировщики следуют простому количественному принципу: массивно распространяют Н-язык в самых различных сферах, как высоких, так и низких. Таким образом, англо-национальная диглоссия существует как в повседневных, так и в культурно-научных сферах, и в обоих случаях английский маркируется как более престижный.

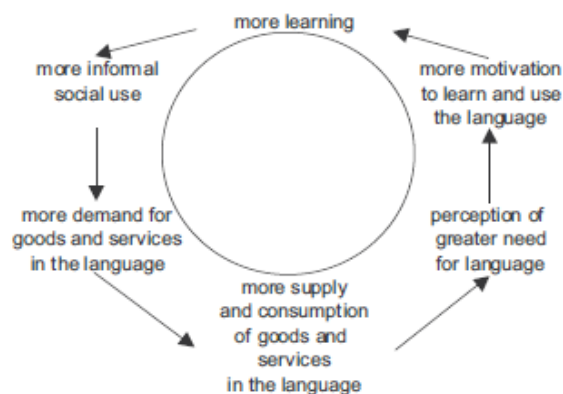
²⁸<http://www.ef-russia.ru/epi/download-full-report/> Как явствует из пояснения, критерии для выявления этого индекса недостаточно четки.

обязательное высшее образование на английском языке, сам же язык предполагается осваивать опосредованно, в ходе изучения других предметов. Приняв эту систему, все больше университетов переходят на полностью англоязычное образование, выдвигают знание английского языка в качестве основного условия для поступления и учебы в вузе и провозглашают «успешную конкуренцию с ведущими университетами США и Великобритании» основной своей целью. Декларируемым плюсом такой системы является то, что в результате предметно-языкового интегрированного обучения студенты приобретают и дисциплинарные знания, и языковую компетентность в английском одновременно. Однако такая система имеет решающий минус: поскольку все предметы высшей школы преподаются на английском, выпускники оказываются не способными доносить современные знания в области различных наук на национальном языке, да и сам национальный язык, не используя и не развиваясь в дискурсах современных наук и технологий, утрачивает способность выражать эти знания. Переход на преподавание на английском происходит не только в вузах, но и в старших классах средней школы. Многие школы начинают преподавать на английском ряд предметов, в основном математику и естественные науки. Однако все чаще и гуманитарные предметы, например, экономика или деловая коммуникация, преподаются на английском языке, что вызывает особую тревогу противников вестернизации а l'anglaise, поскольку национально-специфические англосаксонские концепции, понятия и реалии подаются как универсальные.

Помимо использования английского в «высоких» функциональных областях, во многих странах население с готовностью переходит на английский язык и в бытовом общении. Это происходит как в бывших британских колониях, так и в странах, в особой степени испытывающих англосаксонскую гегемонию (скандинавские государства, Нидерланды, Бельгия и др.). Так, по наблюдению бывшего посла РФ в Нидерландах А.Г. Ходакова, в этой стране на английском говорит до 75% населения, в том числе, в повседневных ситуациях. По нашему собственному наблюдению, преподаватель английского языка, голландец по национальности, длительное время работавший в России, демонстрировал отличное знание своего предмета, а также английской культуры и истории, но не говорил на нидерландском языке (как, впрочем, и не пытался выучить русский).

Вестернизация коснулась и СССР. До конца 1980-х г. она осуществлялась умеренно и без далеко идущих планов со стороны руководства нашей страны, однако с началом перестройки началась революционная вестернизация ее культуры, дискурсов и языков, которая продолжается и поныне. Политика СССР в отношении изучения иностранных языков прошла очевидную трансформацию от инструментального подхода к лингвокультурному погружению; от пассивного (рецептивного) усвоения с целью понимания иноязычных текстов к активному (продуктивному) использованию. Субординативный билингвизм как цель обучения иностранным языкам, когда говорящие воспринимают второй язык через призму родного и соотносят инокультурные лексемы и понятия с лексемами и концептами родного языка, сменился координативным. При этом, благодаря восприятию иностранного языка и культуры как более престижных, коды иностранного языка и его концептуальный набор стали замещать коды и концептуальный набор родного языка, вытеснять или искажать их. Таким образом, в случае нашей страны можно также констатировать феномен субтрактивного билингвизма, хотя пока и в меньшей степени, чем в вышеупомянутых странах.

Рис. 2. Схема нарастающего самовоспроизводства языка [Strubell 1999: 241]

Фактически, в отношении английского языка в большинстве стран мира можно говорить о запущенном «колесе Катерины» (термин М. Штрубелла), когда государственная языковая политика законодательно обеспечивает все более интенсивное изучение иностранного языка, что повышает престиж этого языка и влечет все большее количество изучающих, знающих и использующих его людей, что порождает большой стресс на услуги и товары на нем, а потребление этих товаров, в свою очередь, порождает все большую мотивацию учить иностранный язык и обучать ему потомков и т.д. Только в данном случае указанный механизм работает не на возрождение и развитие национальных языков, как это задумывал сам М. Штрубелл, а на нарастающее самовоспроизводство «глобального», «мирового» английского.

Нейтральность и культурно-идеологическая заряженность языка. Два типа EFL-языка: базовый английский и английский для высшего уровня

Так называемый международный (стандартный, глобальный, мировой, всемирный) английский, распространяемый благодаря скоординированной языковой политике англоязычных стран по всему миру, является не просто языковым кодом, при помощи которого можно транслировать любую национальную картину мира и тем самым осуществлять межкультурное взаимодействие, что делало бы его чистым инструментом межкультурной коммуникации. Он является средством передачи определенных культур и идеологий. Это признал даже разработчик стратегий языковой политики англоязычных стран Дж. Фишман, первоначально пропагандировавший идею нейтральности, инструментальности, этнической и идеологической необремененности английского языка [Fishman 1977: 118]. Фишман согласился, что английский язык, вестернизация, модернизация, распространение международной молодежной культуры, популярных технологий и консумеризма - «все это обременено идеологически и имеет идеологические, поведенческие, экономические и технические последствия» [Fishman 1987: 8]²⁹.

«Глобальный» английский представляет собой многослойный семиотический код, включающий совокупность элементов различных дискурсов, формальных и неформальных регистров английского языка, англоязычного культурно-стереотипного материала и идеологий. Английский язык как учебный предмет соответственно разрабатывается таким образом, чтобы отвечать как практическим целям обучаемых, так политическим целям заинтересованных государств. Мы поговорим о культурном и идеологическом содержании англоязычного учебного дискурса позднее, обозначив сначала два «типа английского», взятых за основу его преподавания.

Английский для полуофициальных и повседневных сфер основан на так называемом Basic English — упрощенном английском, который был предложен в 1934 году Ч. Огденом и активно пропагандировался Дж. Оруэллом в 1942-1944. Цель создания этого языка была обозначена так: Basic

²⁹Более того, в более поздних работах этот видный социолингвист озаботился угрозой исчезновения языков, заговорил о пользе языкового и культурного разнообразия, начал вскрывать недостатки планирования корпуса слов и показывать оборотную сторону смены языков. В частности, вместе с социолингвистами Лилли Вонг Филмором, Джоном Рейнером и др., Фишман утверждает, что смена языков и утрата родного («первого») языка приводит к культурному распаду и множеству социальных проблем, включая рост алкоголизма, неблагополучных семей и преждевременной смертности [Fishman 1991, 2001].

(British American Scientific International Commercial) должен служить международным вспомогательным языком и исходным пунктом к овладению хорошим английским языком. Ч. Огден писал: «В чем нуждается мир больше всего, так это еще приблизительно в тысяче мертвых языков – и одном живом» ([Howatt 2004: 283-288; Bailey 1992: 208-211], цит. по [Phillipson 2009a: 114]). Бейсик включал в себя 850 слов (650 существительных и 200 глаголов) и несколько правил грамматики, что, по утверждению другого сторонника Бейсика, именитого филолога А.А. Ричардса, должно было способствовать «ясной передаче мыслей». Именно он был взят за основу в преподавании английского как второго языка и, отчасти, «языков для специальных целей», а также для составления технических инструкций и для радиотрансляций (например, «особый язык» «Голоса Америки» для освещения новостей)³⁰. В настоящее время Бейсик Инглиш имеет несколько модификаций, одной из которых является Симпл Инглиш (1000 слов), к одной из модификаций Бейсика, вероятно, можно отнести и упрощенный международный английский — Globish, в терминологии Ж.-П. Нерьера.

Бейсик разрабатывался в противовес распространению эсперанто и, как эсперанто, предполагал упрощение языковых кодов и правил. Однако он радикально отличался от эсперанто по целям и, следовательно, векторам развития. Эсперанто носил антиколониальный характер и имел целью демократичную коммуникацию, когда ни один национальный язык не имел бы преимуществ перед другими. Кроме того, помятуя о гумбольдтианском тезисе, что язык — это выражение духа народа, можно предположить, что этот искусственный язык уже тогда подразумевал свободу от специфических культурных и идеологических смыслов, свойственных конкретному естественному языку, когда через языковую коммуникацию вместе с трансляцией нейтральной информации передаются идеологемы и мифологемы. Это, однако, отнюдь не означало бедности эсперанто и отсутствия его развития. Обладая упрощенными формальными языковыми кодами (оптимизированными графемно-фонологической, морфологической, синтаксической системами), не имея за собой долгой истории, будучи чистым от культурно-идеологических коннотаций, эсперанто тем не менее замысливался как язык, способный безгранично обогащать свою лексику, речевые модели, пополняться оборотами и образцами речи любой культуры, допускать перевод на него классических образцов литературы без большой потери смысла и выражать сколь угодно сложные мысли и чувства, Бейсик Инглиш же изначально преследовал цель упростить не только языковые уровни, но и передаваемое содержание за счет сокращения количества слов и введение упрощенных синтаксических правил. Соответственно, в отличие от эсперанто, Бейсик был изначально нацелен на редукционистскую репрезентацию и, следовательно, интерпретацию фактов, идей, эмоций, эстетических образов, духовных и этических смыслов, а также на упрощенную, однозначную логику причинно-следственных связей - сродни адаптированной подаче классической литературы в западных учебниках.

А.А. Ричардс провел любопытную аналогию между концепцией мирового порядка и разработкой Бейсика - языка, который, по идее разработчиков, «мог бы сослужить людям наилучшую службу»: «Подбор слов и расстановка приоритетов с помощью них может сравниться с задачами государственного деятеля. Ведь именно через то, что язык может предложить человеку, каждый человек оценивает то, что его будет заботить больше, а что меньше. Если правильно построить изучение английского языка и соблюдать при этом должную последовательность, то изучение английского языка может превратиться в действительно гуманное образование. И разве такой язык нельзя будет справедливо назвать

³⁰http://en.wikipedia.org/wiki/Basic_English

Такого рода язык, взятый на вооружение для социального контроля (Newspeak), был предметом обсуждения Дж. Оруэлла, в т.ч. в статье «Politics and the English Language», он также описывался им в романе «1984». Newspeak упрощает реальность, отменяет рефлексию и является совершенным орудием манипуляции, заставляя принимать ложь без рефлексии (по Оруэллу, «чтобы ложь звучала правдиво, убийство — респектабельно, а из чистого воздуха сделать нечто твердое и реальное»). Большую роль в Newspeak играет образность, основные смысловые парадигмы выражаются в нем через метафоры, идиоматику (ср. примеры самого Оруэлла: ring the changes on, take up the cudgel for, toe the line, ride roughshod over, stand shoulder to shoulder with, play into the hands of, no axe to grind, grist to the mill, fishing in troubled waters, on the order of the day, Achilles' heel, swan song, hotbed). Таким образом создается новая языковая реальность, которую легко можно транслировать массам, апеллируя к их чувствам через метафорически-интонационный строй языка.

В продолжении мыслей Оруэлла, С.Н. Некрасов описывает такого рода язык как орудие трансляции и формирования упрощенной и искаженной версии событий, в которой сам факт цензуры попросту не замечается и не просматривается [Некрасов 2009].

"АНГЛИЙСКИМ КАЖДОГО"?» (цит. по [Phillipson 2008]). Разумеется, идеи Ричардса были не лишены здравого смысла, однако можно предположить, что упрощенный английский не стал языком каждого, а лишь сделал сознание западного обывателя аналогичным сознанию малообразованного англичанина или ученика, не воспринимающего суждения за пределами шаблонных ассоциаций, задаваемых фреймами Бейсика. В полном соответствии с теорией лингвистической относительности, ограниченный, упрощенный язык ограничивает возможности свободы выражения мысли, создавая, по выражению С.Н. Некрасова, «концентрационный лагерь разума» [Некрасов 2009]. Все, что не зафиксировано Бейсином, не существует, и, наоборот, все, выраженное Бейсином, кажется реальностью.

Собственно, отсутствие реальных образовательных (не пропагандистских) успехов от внедрения программ ELT признают и сами их разработчики. Это констатировалось в обзорах Фонда Форда: «Западные модели, служившие основанием для помощи («развивающимся» странам — Е.Ш.) в школьном образовании, фактически, оказались не соответствующими этим целям. На университетском уровне их эффективность была минимальной. На других уровнях попытки применить такие модели к развивающимся обществам часто создавали больше проблем, чем решали существующие» [Fox 1975: 86]. Аналогичные заявления делали и видные лингвисты, например, Брэдж Качру отмечает, что трудно ожидать от специалистов TESL теоретического осмысления и профессиональной оценки роли английского языка в странах третьего мира с точки зрения социолингвистического контекста, прививаемых взглядов и практической пользы. В другой работе Качру, анализируя причины проблем, связанных с ортодоксальным применением систем ESL и EFL, заявляет: «Говоря прямо, наша профессия так и не избавилась от существовавшего прежде миссионерско-проповеднического этноцентрического подхода в обучении английскому языку» ([Kachru 1986: 101, 1985: 29], цит. по [Phillipson 1992: 13]).

Не меньшую роль играет и английский «для высших сфер», то есть язык для продвинутого уровня пользователей и профессионалов. Здесь в обучении преследуется несколько иной подход: примитивизация и формы, и смысла сменяется достаточно сложной формой при одномерных, идеологически подогнанных смыслах. Обучающиеся усваивают большой пласт литературной лексики и более или менее сложные обороты на текстах публицистического, научно-популярного стилей, на специально подобранных художественных текстах и документалистике. За основу берутся учебники, изданные в англоязычных странах носителями английского языка (стандартный английский Великобритании или США). Для учебных программ в целом и отдельных материалов в частности характерна центрация на стереотипах, символах и концептах англосаксонской культуры. В ходе обучения повышенное внимание уделяется англосаксонским культурным реалиям (причем этот культурно-исторический материал маркируется как наиболее качественный и престижный), истории англоязычного мира, обеспечивается соответствующий ракурс видения мировой истории и культуры, через тексты утверждаются соответствующие мифологемы и идеологемы. Помимо языка и фактологического материала, акцент делается на самих англоязычных дискурсах и дискурсивных практиках, что закрепляет соответствующий способ мышления и коммуникации.

Литература:

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Грамши А. Искусство и политика // Тюремные тетради. Избранное. URL: <http://eot.su/node/5638>
- Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
- Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). Уфа: Китап, 2000.
- Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. № 4. 2004.
- Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979.
- Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Горбачев М.С. и др. Грани глобализации. Альпина Паблишер, 2003.
- Некрасов С.Н. Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее. Екатеринбург: Издательство УрГСХА, 2009.
- Радугин А.А., Радугин К.А. Социология: курс лекций. М.: Центр, 1999.
- Соколенко В. Г. Становление системы глобального управления : (Global management

system,G.M.S.) // Обозреватель. 1999. № 4. С.66-72. // URL: http://www.rau.su/observer/N04_99/4_12.HTM

Соколов К.Б. Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения художественных ценностей. М.: Наука, 1990.

Социология: Энциклопедия /Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003.

Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в российской федерации // Этнографическое обозрение. 2010. №4. - Сс. 101-115.

Шалак В. Капитал-тоталитаризм. Цель власти — власть // URL: <http://vaal.ru/show.php?id=200>

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику: Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие.— М.: Высш. школа, 1978.

Шелестюк Е.В. Лингвосоциокультурный аспект языковой политики // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). Выпуск 72. № 36 (290), 2012, в печати.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - С. 55.

Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. М.:Лань, 1999.

Abdulaziz M. H. East Africa (Tanzania and Kenya) // English around the World Sociolinguistic Perspectives. Edited by Jenny Cheshire. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. - Pp. 389-401.

Ager D. Image and Prestige Planning. In E. Hinkel (Ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning (Chapt 56). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005.

Baker C. Barnets väg till tvesprekighet. Red till föräldrar och lärare i förskola och grundskola. Pefegeln, Uppsala, 1996.

Bernstein B. Elaborated and restricted codes: an outline. In: Sociological Inquiry, 36, 1966.

Bilsky W., Koch M. On the content and structure of values: Universals or methodological artefacts? In J. Blasius, J. Hox, E. deLeeuw & P. Schmidt (Eds.), Social science methodology in the New Millennium... the Fifth International Conference on Logic and Methodology, October 3-6, 2000, Cologne, Germany. - Leverkusen: Leske + Budrich, 2002. URL: miami.uni-muenster.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-1802/Bilsky_Koch.pdf

Bilsky W., Schwartz S. Values and personality. European Journal of Personality, 8, 1994. Pp. 163-181.

Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.

Burchfield R. The English language. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Caputa S. Teaching Culture Through Language: National Stereotypes in EFL Course Books in Poland (1946-2000) // A Culture In-Between. NeoLit Online. №1. Is. No 2, 2002.

Cooper R. L. Language planning and social change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Darquennes J. Paths to Language Revitalization, Contact Linguistics and Language. Volume 30, 2007. Pp. 61-76.

Dasgupta P. The otherness of English: India's auntie tongue syndrome. Delhi: Oxford University Press, 1993.

Deumert A. Language Planning and Policy. URL: <http://emile.uni-graz.at/pub/05s/2005-04-0003.PDF>

Deumert A., Swann J., Mesthrie R., Leap, W. Introducing Sociolinguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

Fishman J. Advances in the creation and revision of writing systems. The Hague: Mouton, 1977.

Fishman J. Ideology, Society and Language: The Odyssey of Nathan Birnbaum. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1987.

Fishman J. (1974a). Language planning and language planning research: the state of the art. In Advances in language planning edited by J.A. Fishman. Hague: Mouton, 1974. - P. 15-33.

Fishman J. (1974b) Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning. In: Language in society, vol. 2, N 1. Ed. by J. Fishman. Hague: Mouton, 1974. - P.

79-102.

Fishman J. Do Not Leave Your Language Alone: The Hidden Status Agendas Within Corpus Planning in Language Policy. Lawrence Erlbaum Associates, 2006.

Fishman J. Language and Ethnicity. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co, 1991.

Fishman J. The rise and fall of the ethnic revival. Berlin, New York, Amsterdam: Walter de Gruyter, 1985.

Gramsci A. Prison Notebooks 1929-1935. URL.: <http://www.marxists.org/archive/gramsci/>

Gray J. The ELT course book as cultural artefact: how teachers censor and adapt // *ELT Journal*, Vol 54, Issue 3, 2000. Pp. 274-283.

Hornberger N.H. Literacy and language planning // *Language and Education. Special Issue : Sustaining Local Literacies*. V. 8, Issue 1-2, 1994. - Pp. 75-86.

Humboldt W. von. On language: The diversity of human language structure and its influence on the mental development of mankind. Trans. Peter Heath. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Hyde M. The teaching of English in Morocco: the place of culture // *ELT Journal* 48/4, 1994. Pp. 295-305.

Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In R. Quirk and H. Widdowson (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 11-30.

Kioko A.N., Muthwii M.J. English variety for the public domain in Kenya: Speakers' attitudes and views. *Language, Culture and Curriculum* 16(2): 130-145. 2003.

Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages. *Anthropological Linguistics* 9 (7): 29-41, 1967.

Malouf D. Made in England: Australia's British inheritance. *Quarterly Essay* 12:1-66, 2003.

Mazrui A. A. and Mazrui A. A. A Tale of Two Englishes: The Imperial Language in Post-colonial Kenya and Uganda. In J.Fishman, A.Conrad, & A.Rubal-Lopez (Eds.), *The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940-1990*. The Hague: Mouton Publishers, 1996. - Pp. 271-302.

Metozade I. Implications of foreign language learning in terms of Turkey's cultural integration into the EU (Doctoral thesis). Istanbul, 2007.

Orwell G. Politics and the English Language // URL: http://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit/

Ouane A. Introduction: the view from inside the linguistic jail // *Towards a multilingual culture of education*. Edited by Adama Ouane. Hamburg: Unesco Institute for Education, 2004. - Pp. 10-22.

Özdemir A. British imperialism and English language teaching in Turkey.(Master thesis). Istanbul, 2005.

Phillipson R. (2009a) *Linguistic imperialism continued*. New York and London: Routledge, and New Delhi: Orient Blackswan, 2009.

Phillipson R. (2009b) *Disciplines of English and disciplining by English* // *Asian EFL Journal*. Volume 11. Issue 4, 2009. <http://www.cbs.dk/content/download/129524/1734716/file/Asian%20EFL%20Phillipson.pdf>

Phillipson R. *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992. (Re-published in China by the Shanghai Foreign Language Education Press, 2012).

Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. English Only Worldwide or Language Ecology? // *TESOL Quarterly*. Vol. 30, No. 3: *Language Planning and Policy*. Autumn 1996. - Pp. 429-452.

Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. Good learning strategies in foreign and second language learning - the case of English in Denmark // *Cultilingualism - papers in cultural and communicative (in)-competence*. Roskilde: Roskilde Universitetscenter, ROLIG-papir 28, 1983. Pp. 1-16.

Phillipson R. The linguistic imperialism of neoliberal empire // *Critical Inquiry in Language Studies*, 5/1, 2008. Pp. 1-43.

Porpora D. V. *Landscapes of the soul: The loss of moral meaning in American life*. New York: Oxford University Press, 2001.

Prodromou L. What culture? Which culture? Cross-cultural factors in language learning // *ELT Journal* 46/1, 1992. Pp. 39-50.

Quirk R. The English language in a global context. In R. Quirk & H. G. Widdowson (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - Pp. 1-6.

Ricento T.K., Hornberger N.H. Unpeeling the Onion and the ELT Professional // TESOL Quarterly. Vol. 30, No. 3: Language Planning and Policy. Autumn 1996. - Pp. 401-427.

Rubin J. Evaluation and language planning. In J. Rubin & B. Jernudd (Eds.), Can language be planned? Sociolinguistic theory and practice, for developing nations. Honolulu: East-West Center Press, 1971. Pp. 217-252.

Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. Revue française de sociologie, 2006, 42. Pp. 249-288.

Sharifian F. (ed.) English as an international language. Perspectives and pedagogical issues. Bristol: Multilingual Matters, 2009.

Skutnabb-Kangas T. Linguistic genocide in education - or worldwide diversity and human rights? Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

Skutnabb-Kangas T., Phillipson R., Mohanty A., and Panda M.(eds.). Social justice through multilingual education. Bristol: Multilingual Matters, 2009.

Stewart W.A. Sociolinguistic Typology of Multilingualism // Readings in the Sociology of Language. Ed. Joshua Fishman. The Hague: Mouton Publishers, 1968.

Strubell M. From language planning to language policies and language politics // Webser P.J. (ed), Contact + Conflict. Language planning and minorities. Bonn: Dümmler, 1999. Pp. 237-248.

Swales J. English as 'Tyrannosaurus Rex'. World Englishes, 16(3), 1996. - Pp. 373-382.

Tarhan N. A Critical Examination of Imperialism and Language Teaching in Turkey. Unpublished Thesis. Ankara: Bilkent University, 1998.

Veltman C. The English language in Quebec, 1940–1990. In J.Fishman, A.Conrad, & A.Rubal-Lopez (Eds.), The status of post-imperial English: Status Changes in Former British and American Colonies, 1940-1990. The Hague: Mouton Publishers, 1996. - Pp. 205-237.

Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.

Wierzbicka A. English: meaning and culture. New York: Oxford University Press, 2006.

Wiley T.G. Language Planning and Policy. In Sandra McKay, Nancy H. Horberger, Sociolinguistics and Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. 103-147.

Shelestiuk E.V.

Chelyabinsk State University

PhD (Doctor of Philology), Professor

English linguocultural expansion

Abstract

The article traces a number of fundamental factors of the English linguocultural expansion, including the language policy of "modernization" and "westernization"; discusses its tools, such as the aggressive promotion of language and language pedagogy export; shows its consequences - subtractive bilingualism and the rising cyclical reproduction of an alien language and culture; outlines the concepts of neutrality and cultural-ideological charge of language; shows this charge on the example of two types of EFL-language: basic English and English for the advanced level.

Keywords: Gramsci, hegemony, modernization, Westernization, anglocentrism, cultural expansion, the expansion of discourse, language expansion, linguistic imperialism, subtractive bilingualism, the paradigm of language ecology, eco-linguistics, cultural and ideological connotations, basic English, English for the advanced level, Esperanto

Оригинал: Шелестюк Е.В. Англоязычная лингвокультурная экспансия // Язык и литература в научном диалоге. Сборник научных трудов. Вып. 2. Актуальные вопросы

современной филологии. Изд-во «Удмуртский университет» - «Universidad de Granada». Ижевск – Гранада, 2013. – 266 с. – С. 224-250.